

136 Наедине с Шопенгауэром

ДАЖЕ кто в общем-то далёк в своих интересах от философии (др.-греч. – любомудрие, любовь к мудрости), этой особой формы познания, всё равно слышали имя Шопенгауэра. Он разобран на цитаты, о жизни и трудах великого немецкого философа созданы горы исследовательских работ, прочитана масса лекций, ему Рихард Вагнер посвятил свою оперу и т. д.

А началась его популярность у нас с того, что он оказал влияние на многих известных нам светил философской мысли – таких как Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Лев Толстой, а также на современных любомудров, которые нынче больше историки философии, чем собственно философы.

И я, как и многие, начинал знакомство с Шопенгауэром и его трудами опосредованно, с помощью популяризаторов, критиков и прочих толкователей. Каких только квалификационных бирок, порой противоречащих друг другу, ни вешали на него – и философ пессимизма, и глашатай иррационализма, и проповедник немецкого романтизма, и мистик, и буддист, и даже мизантроп. Действительно, существующий мир он называл «наихудшим из возможных миров», но и он же назвал искусство – литературу, архитектуру, скульптуру, живопись, музыку и т. д. – оазисом в пустыне жизни, который даёт облегчение

в житейских невзгодах и живительную силу. К слову сказать, и саму философию мыслитель причислял к искусству, а не к науке.

Артур Шопенгауэр родился 22 февраля 1788 года в Гданьске (Речь Посполитая). С детства Артур, покинув отчий дом, познавал мир – обучался во Франции, Великобритании, учился в Гёттингенском университете, слушал в Берлине лекции Фихте, которого впоследствии нещадно критиковал. Йенский университет заочно присвоил ему звание доктора философии. Преподавал он в Берлинском университете. Владел латинским, английским, итальянским, испанским и, естественно, немецким языками.

По жизни же философ был идейным холостяком, ценившим свободу во всех её проявлениях. Жил скромно в окружении тысячи книг, хотя и утверждал, что чтение книг бесполезно и даже вредно, поскольку заставляет пользоваться идеями внешних источников, а не собственной головы. Да, вот вам ещё одна бирка: парадоксальный мыслитель.

И ещё: домосед. Из кабинета своей двухкомнатной квартиры выходить не любил. Собеседниками ему были Кант, Гёте, Декарт, Будда, Шекспир, которые составляли компанию в виде бюстов, статуэток и портретов. Особенно ценил он Иммануила Канта, называя его

самым важным явлением философии двух тысячелетий. Кстати, Кант тоже был домоседом и неженатым. (Этот философ из Кёнигсберга на очереди рубрики «Классная классика».)

Главный философский труд Шопенгауэра – «Мир как воля и представление»* (1818). Философ в своём, несколько метафизическом стиле, анализирует одно из свойств человеческой психики – волю; представляет свой взгляд на мотивацию и личностное желание добиваться осуществления поставленной перед собой цели. Эпохальный труд. Всё остальное творчество философа так или иначе связано с «Миром как волей и представлением». Ибо «движущая сила всех явлений во Вселенной – воля к жизни, которая проявляет себя во всём сущем». Здесь невольно вспоминается рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» как практическое, вернее, художественное подтверждение отдельного тезиса и всего центрального труда мыслителя. Думаю, мало кто из наших читателей не знаком с самым известным рассказом американского писателя. Что интересно, с юности я старался придерживаться двусложного правила: иметь жизненную цель и волю к её достижению. По мере возможности прививал это правило своим детям, внушал близким мне людям. И вот знаменитый философ, оказывается, ещё две сотни лет назад посвятил свой главный труд тому же самому – представлению (идее) и воле.

Но нас, конечно же, больше интересуют эстетические взгляды философа. Эстетике Шопенгауэр посвящает третью книгу своего главного труда, в котором главенствует убеждение, что искусство пробуждает в человеке чувство красоты, даёт возможность необыкновенного прозрения и раскрытия

сокровенной сущности мира. Но искусство неоднородно. Как и Гегель (см. предыдущий выпуск «КА»), Шопенгауэр не избегает градации его видов. Однако набор видов воспроизведения действительности в художественном творчестве у него шире. Представляете себе, он начинает с гидравлики (искусственных водопадов и фонтанов), соединяющихся с изящным садоводством и ландшафтной живописью. К ним примыкает архитектура – эта музыка, застывшая в камне. Далее следует скульптура, которая находит у себя отдельное место и для животных. Следующая, более высокая ступень – собственно живопись. И ещё выше, где дух человека наиболее полно выражается, – это поэзия.

Что касается поэзии, философ не преминул проехаться по графоманам и их губительном влиянии, замечая, что критика и сатира должны беспощадно бичевать этих посредственных поэтов, пока, для их же собственного блага, не заставят их употреблять свой досуг скорее на чтение хорошего, чем на писание дурного. В этой связи хочу напомнить об остром перо Васи Татарского на страницах «Казанского альманаха», который как раз и бичевал всяческих рифмоплётов, вызвав тем самым бурю их негодования и вражды. Провидцем был философ: и критика, конечно же, нужна, и графоманы бесконечно живы.

Но самую высокую ступень у Шопенгауэра занимает всё-таки музыка, которая у него является полнейшей мистической сутью человеческой души. Письмо мыслителя афористично, его меткие, нередко противоречивые изречения с удовольствием берут на вооружение самодеятельные мыслители. Хотя порой они, эти его изречения, многословны, отягощены излишними пояснениями. Тем не менее труды философа понятны и охватывают, кроме упомянутой эстетики, – и этику, и нравственность, и мораль, несут в себе и простую житейскую мудрость.

После смерти великого пессимиста среди многих его вещей была обнаружена рукопись под названием «Искус-

* Слово «воля» у Шопенгауэра обозначает и «стремление», и «желание», и «усилие». Слово «представление» переводится как «идея».

ство быть счастливым», где были представлены рецепты радости и счастья. И вот этот человек, который всю жизнь руководствовался своим интеллектом, следовал разуму, логике, подчинялся исключительно импульсам головного мозга, рекомендует в одном из советов потаённого труда всё-таки прислушиваться к своему внутреннему голосу, чувствам, эмоциям, формулируя этот посыл весьма кратко: «Доверяйте своему сердцу».

Страницы моего дневника двадцатидвухлетней давности испещрены его высказываниями. Немало листов превращено в конспекты некоторых гениальных посылов всеохватной его философии. До сих пор считаю важным для себя и путеводным утверждение философа, что человек, умеющий оставаться наедине с самим собой, со своими мыслями, творчеством, трудом, досугом, имеет свой центр тяжести в себе, а у того, кто не может без друзей, без общества, без карьеры, без сторонних развлечений, центр тяжести находится вне его.

Ещё раз замечу, чужие мысли безоговорочно воспринимаются лишь тогда, когда сам готов к ним, быть может, даже жил по тем, до тебя давно утверждённым канонам, просто не закреплял их в своей голове готовыми формулами, не знал, что в теории они, эти формулы, двести лет уже как существуют. Уединению, одиночеству пели осанну многие величайшие умы. Вот, например, Фридрих Ницше (см. «КА», 2020, «Малахит»): «О, одиночество! Ты отчизна моя, одиночество! Как блаженно и нежно говорит мне твой голос!»

Среди своих современников, живших уединённой жизнью, могу назвать замечательного художника Ильдара Зарипова, для которого его мастерская заменяла весь внешний мир. Да, к нему запросто можно было прийти, пообщаться, но вытащить из мастерской на какое-нибудь мероприятие было почти

невозможно. Он тесно общался с героями своих произведений и радушно знакомил с ними зашедших на огонёк друзей.

Другим таким затворником был Сергей Николаевич Корытников, астроном, эрудит, поэт, ездивший на работу в Астрономическую обсерваторию имени В. П. Энгельгердта раз в неделю, по понедельникам, а так работал дома, в одиночестве, окружённый стеллажами книг и картотекой звёздного неба (тогда компьютеров ещё не было), и его обитель являлась подлинной Вселенной для него и меня, мальчишки, соседа по этажу и всегда желанного собеседника, невзирая на то, что собеседник этот был младше его самого на 44 года. Нередко заходили к нему поговорить такие яркие учёные, как член корреспондент АН СССР по физике и астрономии Борис Михайлович Козырев и доктор физико-математических наук Борис Лукич Лаптев. Разговоры их были большей частью о науке, истории, литературе, (кстати, Б. Л. Козырев – автор литературоведческого труда «Письма о Тютчеве»). И я мальчишкой из соседней комнаты коммуналки нередко присутствовал при их интересных беседах. А вот сам Сергей Николаевич по гостям не ходил, но дверь в его квартиру была всегда открыта для друзей, которых, признаюсь, было считанное число. (Позже он стал героем моего романа «Шейх и Звездочёт».)

В предлагаемой ниже подборке даны высказывания Шопенгауэра из различных областей его философской мысли. Но поскольку в наших публикациях мы особое внимание уделяем читателю мыслящему, зачастую творческому, то с полным основанием считаю, что уединение, некоторая обособленность в повседневной жизни такому человеку просто необходимы. Поэтому с этой темы и начинаем.

Желаю, друзья, полезного уединения с великим философом!

Ахат Мушинский